

О. Е. ИВАНОВА

СТРАТЕГИИ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ В ОБЛАСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ

Немного истории. В 60—80-е годы прошлого века, в пору небывалого всплеска интереса к терминологии, в том числе и лингвистического, орфографическая кодификация терминов была отнесена к первоочередным задачам орфографии как деятельности. Считалось, что «разнобой в написании терминов вызывается (...) прежде всего несовершенством действующих “Правил”», что совместная деятельность языковедов и специалистов разных отраслей через издание отраслевых словарей и ГОСТов в обозримом времени сделает вполне реальной «унификацию письменного облика терминов» [Букчина 1982: 173]. Надо признать, что орфографических работ в области терминологии тогда было написано все-таки немного, принадлежат они преимущественно Б. З. Букчиной, изучившей, кажется, все случаи орфографических расхождений, противоречий между правилами орфографии и реальностями ГОСТов, терминологических словарей, а также Большой советской энциклопедии. Главное слово этих работ — разнобой, основной подход — анализ ошибок и вариантов с позиции Правил 1956 г. и орфографического словаря, главный вывод — необходимы и возможны унификация и упорядочение терминологии на основе орфографических норм литературного языка.

Если обратиться к отражению орфографии терминологии в нормативных источниках, то в Правилах 1956 г. и в справочниках Д. Э. Розенталя и др. в некоторые формулировки правил введено указание на применение их в сфере терминологии (это касается сложных существительных и прилагательных¹); известно, что исключениями в разных сегментах правописания становятся прежде всего термины: таковы подправила-исключения

---

¹ В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М., 1956) это § 80 п. 2 и 3 (пишутся слитно прилагательные, «употребляемые в качестве терминов и образованные из двух или трех основ, независимо от характера последних», напр.: *грудобрюшная преграда, индоевропейские языки*). В справочнике [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994] это § 42 п. 4, 11 (существительные) и § 43 п. 2, 10 (прилагательные). В справочнике [Валгина, Светлышева 1993] см. п. 1 на с. 59 (существительные), п. 6 на с. 64 и п. 6 на с. 71 (прилагательные).

о дефисном написании единиц измерения и промежуточных частей света (*судо-сутки, юго-восток*), о слитном написании химических терминов (*бромкамфора, хлорвинил*), не говоря уже об отдельных исключениях. Также — и это уже касается тенденций узуса — современные исследования по терминологии говорят о предпочтении вариантов с дефисом в написании сложных прилагательных и существительных в метаязыке лингвистики, в точных науках [Гарифуллина 2009; Иванова Г. А. 2013], что отражает современную динамику в функционировании многокомпонентных терминов². Впечатление, что в терминологии существует особая орфографическая ситуация, поддерживается и исследованиями второй половины прошлого века, в которых есть материал, свидетельствующий об особенностях лексической, словообразовательной, грамматической подсистем терминологии в сравнении с общелитературным языком, и в которых развивается мысль, что «за терминологией можно признать право на определенную самостоятельность во всех ее основных лингвистических характеристиках и тенденциях развития (по сравнению с общелитературной, неспециальной лексикой)» [Даниленко, Скворцов 1982: 7]. «Языковая норма в терминологии, — продолжают авторы, — должна учитывать особенности терминов как знаков специальных понятий (...) Часто то, что необычно в общеупотребительной лексике, актуально и целесообразно в терминологии» [Там же: 27]. (Но это не означает, что следует принять понимание «нормы в терминосистеме» и использовать в сфере правописания понятие *профессиональный вариант нормы*, предложенное для произносительных, лексических и грамматических норм [Даниленко 1977: 161; Даниленко, Скворцов 1982: 15]. В орфографии-ортологии правила правописания формулируются для русского языка во всем его объеме и нормы письма воспринимаются как единые³.)

Сейчас, спустя почти 40 лет, можно констатировать как сохранение противоречий между орфографическими правилами и словарем, с одной стороны, и практикой написания в терминосистемах, с другой, так и высокий уровень вариативного разнообразия. Современная ситуация осложняется фактором информационного взрыва, который, в частности, включает в себя появление новых сфер общения в Интернете, и — главное — лавинообразный процесс образования и заимствования новых слов, а также мно-

---

² Ср. тезисное высказывание В. П. Даниленко: «Большое количество многокомпонентных наименований с нестандартным смысловым соотношением частей должно обнаружить, очевидно, новые правила, присущие главным образом специальной лексике» [Даниленко 1972: 28], которое нам подтвердить не удалось.

³ Отвечая на критику нового академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» 2006 г., В. В. Лопатин, в частности, пишет: «...правильно надо писать не только общеупотребительные и стилистически нейтральные слова, а все слова, независимо от их стилистической окраски, от сферы употребления и вообще от употребительности» [Лопатин 2011: 159].

гократно возросшую лексикографическую деятельность. Важный момент современной языковой практики — постоянный рост количества терминов, вовлекаемых в общее употребление, что ведет, с одной стороны, к столкновению профессионального узуса и орфографической нормы, принятой для слов общего языка (так, много вопросов возникает при обработке материалов из Сети, в том числе различных электронных словарей с неизвестным авторством, научных статей, учебников и учебных пособий, руководств, рефератов и пр. для справочных электронных ресурсов), а с другой, расшатывает нормированное письмо самой терминосферы. Кроме того, с процессом активизации терминологии на поле общего письма связана и явно выраженная современная тенденция к расширению представленности терминов в орфографическом словаре общего типа. В Предисловии к первому изданию «Русского орфографического словаря» (1999) указывалось на «особое внимание» составителей к церковно-религиозной лексике, терминологии рынка, бизнеса, банковского дела, программирования, вычислительной техники. Тенденция развивать словник в том числе и за счет терминов продолжилась во 2-м и 4-м дополненных изданиях (2005, 2012): «Словарь включил также ряд новых терминов, относящихся к бизнесу и рынку, к политике, медицине, спорту, музыке, кулинарии и другим областям жизни. Поскольку их употребление активизировалось и выходит за рамки узкоспециальных текстов, нормативный орфографический облик этих слов должен фиксироваться не только в специальных терминологических словарях» [РОС-2012: III]. Поэтому объемы и принципы словарной кодификации терминов также требуют обсуждения и тщательной выверенности.

Сегодня общепринятым является признание высокой вариативности в сфере терминологии и понимание того, что наличие вариантов разного рода так же присуще терминосистемам, как и общелитературному языку⁴. Естественной признается и вариативность орфографическая [Иванова Г. А. 2009; 2013]. Наличие орфографических вариантов в терминологиях объективно подпитывается не только постоянным изменением лексического состава специальных языков (как и общего языка) как за счет внутренних языковых резервов, так и активным заимствованием, но и различными субъективными факторами, среди которых, например, передача в термине информации о культурно-исторической эпохе (устаревшие термины) [Иванова Г. А. 2009: 17], отражение в форме записи термина грамотности употребившего его автора, возможно, отражение в каком-л. конкретном написании координат «свой-чужой», и даже заложенное в термине противоречие авторского намерения и языковой аналогии (ср. варианты *остран(н)ение* — произведено от *странный*, но записано первоначально с одной *н*, что под-

⁴ «Терминологии свойственна такая же широко развитая вариантность, как и всей лексике языка в целом. Но поскольку от вариантности по возможности необходимо терминологию освободить, то встает вопрос о принципах выбора варианта» [Даниленко 1972: 32].

держивается аналогией *отстранение*⁵). Кроме того, А. А. Реформатский, например, считал одной из причин разнонаписания терминов несовершенство правил правописания 1956 г., т. е. видел источник их колебаний в способе научного описания орфографической системы: «Правила» «учитывают нужды средней школы и интересы Академии педагогических наук, но не учитывают запросов издательств и других заинтересованных организаций» (см. [Букчина 1982: 174]), деятельность которых (точнее, продукция — словари, стандарты и пр.) регулирует правильность специальных подязыков. Однако, полагаем, такая точка зрения справедлива лишь отчасти, поскольку в орфографии, во-первых, есть сегменты, которые являются чисто словарными и не подлежат действию правил, а во-вторых, в языковых областях с бурно развивающейся лексикой невозможно проводить своевременную и не противоречащую правилам орфографическую кодификацию, что справедливо и в отношении терминологии.

Итак, следует ли оценивать правописание в терминологии только с позиции строгих общелитературных норм или нормативная оценка должна исходить из специфических особенностей терминологии? Есть ли у орфографистов рычаги управления орфографическим терминологическим узусом и кодификацией? И какова может быть политика орфографистов в сфере терминологии? Решая эти вопросы, мы исходим из представления о терминологии как подсистеме общелитературного русского языка. В. П. Даниленко справедливо пишет, что, с одной стороны, «...существует большое желание исследователей найти как можно больше черт, которые бы четко и ясно отделили слово от термина, лексику общелитературного языка от терминологии», с другой стороны, «терминология, являясь частью общелитературной лексики и в значительной степени беря истоки из общелитературной лексики, не может изолироваться от законов и процессов ее функционирования» [Даниленко 1971: 12—13]. Поэтому в работе при рассмотрении того или иного явления терминологии в орфографическом аспекте учитываются два взаимодействующие фактора — особен-

⁵ *Отстранение* — термин В. Шкловского. Этот термин в «Поэтическом словаре» А. П. Квятковского пишется с двумя *н*, в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987) и словаре-справочнике «Культура русской речи» (М., 2003) варианты с одной и двумя *н*, в современные орфографические словари термин вошел с одной *н*. Высказывания самого В. Шкловского о введении этого термина противоречивы: «У меня было слово “отстранение” (...) В этом слове я написал одно “н”. Слово так и пошло с одним “н”. А надо было написать два “н”. Я это сделал только недавно, в книге “Энергия заблуждения”: и оба слова верны. Так и живут теперь два слова — “отстранение” и “отстранение” — с одним “н” и “т”, и двумя “н”: смысл разный, но с одинаковым сюжетом, сюжетом о странности жизни» (В. Шкловский. О теории прозы. М., 1983. С. 234). Ср. пассаж 1970 г.: «Существовал старый термин — отстранение: его часто печатают через одно “н”, хотя слово это происходит от слова “странный”, но термин вошел в жизнь с 1916 года в таком написании» (В. Шкловский. Тетива: О несходстве сходного. М., 1970. С. 230).

ности терминологического подъязыка и его связь с общим языком. Такой подход позволяет анализировать явления в правописании терминов в разных ракурсах: внутри терминосистем, где складывается свой терминологический узус и своя терминологическая норма, и в соотношении с кодифицированными нормами правописания общеупотребительного языка.

Явления, условно называемые нами орфографическими аномалиями терминологии, охватывают написания терминов, отклоняющиеся от кодифицированной нормы письма и не имеющие никаких оснований для такого написания, кроме традиции употребления в своих областях знания. Академический словарь, вводя эти термины, узаконивает их орфографически выраженную терминологичность, в правилах эти случаи надо давать как исключения. Приведем несколько известных примеров. Таково слитное написание прилагательного **синезеленый** в составе термина **синезеленые водоросли**⁶, притом что норма написания через дефис названий цветов и — шире — оттенков качества в общей орфографии оформилась уже в XIX в., а в своде 1956 г. получила статус отдельного правила (§ 81 п.3). Другое слитное написание **молочноцветковый** (*колокольчик, пион*) противоречит частной норме орфографии — норме словарной, в соответствии с которой сложные прилагательные с первой частью *молочно* при подчинительном отношении основ пишутся через дефис. Еще пример. Речь идет о химических терминах **транс-изомер, транс-изомерия, транс-форма** (даны в РОС-2012; *транс-форма азобензола*), **транс-бутен, транс-пентен**, пишущихся через дефис. *Транс...*, восходящее к лат. приставке *trāns* «через, насквозь, за пределами», как приставка (*трансатлантический, транскультурный*) и как первая сокращенная часть сложносокращенных слов (*трансгентство*) по правилам пишется слитно. Соответствие правилам выдерживается в других терминах, например: в химии — *трансаминирование* (в узусе редко — дефис), *трансураны*, в медицине *трансабдоминальный, трансдермальный, трансфузия*, в молекулярной биологии *транспептидация*, в слове *транзакция*, принадлежащем политической, юридической, финансовой терминологиям (и *транзакция* — также в информатике, психологии). Т. е. дефисное *транс-* является исключением даже среди терминов. В системе химической терминологии оно существует не изолированно, а соотносено с компонентом *цис-* (см. ниже), а кроме того, может быть сопоставлено с дефисными же терминами *мета-положение, орто-положение* и *пара-положение*, которые пишутся дефисно вопреки правилу о слитном написании первых самостоятельно не употребляющихся иноязычных частей сложных существительных на гласную (§ 78 п. 1 «Правил» 1956). Подобные отклонения от правил общей орфографии конвенциональны, их существование внутри терминосистемы может поддерживаться или не поддерживаться внутрен-

---

⁶ На самом деле синезеленые водоросли — это бактерии, скопления которых имеют цвет от светло-зеленого до темно-синего; долгое время рассматривались в составе растений.

ними же связями. Часто они воспринимаются как казусы специального подъязыка. И хотя такие термины подчас встречаются в общем орфографическом словаре (обычно с пометой, указывающей на область применения *хим.*, *бот.*), это можно отнести, по нашему мнению, на счет недостаточно продуманной составительской работы. С точки же зрения стратегии кодификации подобные единицы должны включаться в словарь выборочно и постепенно, по мере их выхода из узкоспециализированной зоны употребления в широкий узус, как например, употребление терминов ботаники в газетных статьях и журналах для садоводов-любителей. Представленность подобных слов в словаре требует уже от составителей орфографических правил учитывать их как исключения. Таким образом, расширение лексической базы словаря и правил иногда идет за счет отклонений, исключений из общих и хорошо работающих правил, а это объективно не способствует устойчивости традиционной системы.

Выше отмечалось, что в терминологии как части общелитературного языка протекают те же процессы и обнаруживаются те же явления, которые свойственны общелитературной лексике — омонимия, полисемия, синонимия, антонимия. В той мере, в какой это затрагивает орфографию, асимметрия формы и содержания видна в возможности различной мотивации письменного знака: формально выраженное на письме явление (например, гласная на стыке двух частей сложной единицы) может иметь разное содержание (соединительная гласная / окончание / гласная основы), а это влияет на различное орфографическое оформление слова. Явление неоднозначной лингвистической интерпретации слова напрямую связано с современной орфографической вариативностью, в том числе и в терминологии (подробнее об этом см. [Бешенкова, Иванова 2011в]). Например, написание сложных существительных опирается на понятие соединительной гласной, однако для слов с первой частью на *-о*, *-е* (*какао*, *кофе*, *эго*, *эмо*, *эхо*) функция финальной гласной может иметь неоднозначную трактовку — это может быть соединительная гласная, окончание самостоятельно слова (*эхо*), гласная основы (*какао* и др.). Выбор трактовки важен для определения написания, так как сложные существительные с соединительными гласными *о* или *е* по правилу пишутся слитно (*кофемашина*, *эгофутурист*, *эхолот*), а в соответствии с другим правилом — как сложные существительные и сочетания с однословным приложением, если в их состав входят самостоятельно употребляющиеся существительные и обе части или только вторая часть склоняется, — пишутся через дефис (*кофе-пресс*, *эго-психология*, *эхо-камера*) [Бешенкова, Иванова 2011а: 181—184]. Возможность неоднозначной интерпретации и исследователями, и носителями языка ведет не только к возникновению в узусе разных написаний слов с одной и той же первой частью или даже одних и тех же слов, но и к закреплению вариативности в кодификации. Так, часть *эго* в РОС-2012 дается слитно в старых словах *эгоцентризм*, *эгофутурист* и их производных, а современный термин *эго-психология* приводится уже в дефисном оформ-

лении, воспроизводя установившийся в специальных текстах узус. Но в словарь пока не попали термины *эго-идентичность* (ego identity), *эго-состояния* и некоторые другие, функционирующие в узусе тоже с подавляющим преобладанием дефисной передачи. Кодификаторы в ситуации неоднозначной трактовки пытаются корректировать процесс орфографического освоения слов, прибегая к перекодификации. И если РОС-2005 слова с первой частью *эхо* давал в различных написаниях (*эхокардиограмма*, *эхолокатор*, *эхолот* — *эхо-импульс*, *эхо-камера*, *эхо-метод*, *эхо-волна*), что отражало преобладающую узуальную тенденцию, то в издании РОС-2012 принято единое кодификационное решение, опережающее письменную практику, и все слова даны только слитно (как в Толковом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой 2007 г.). Таким образом, объективная неоднозначность содержательной трактовки слова или компонента слова может приводить к лингвистически оправданной вариативности в написании. И поскольку исключить возможность различного понимания нельзя, то нельзя избежать и вариативности в узусе для слов такого типа. Последняя же, в свою очередь, неизбежно проникает в словарь, создавая нежелательную вариативность в кодификации первой части сложных слов. Вот тут перед лингвистами и встает во весь рост непростая задача согласования словарной нормы и «рассогласованного» с ней живого узуса.

Общим явлением для системы языка и подсистемы терминологии выступает, как отмечалось, омонимия; в терминологии это, по Реформатскому, «межнаучная терминологическая омонимия» [Реформатский 1996: 115], когда термины имеют разные дефиниции и функционируют в разных терминологических системах, например, *редукция* — в философии, в юриспруденции, в фонетике; *субъект* — в философии, праве, логике, лингвистике. Также омонимичными могут быть слово общего языка и термин, сформировавшийся на его основе: попав в терминологию, слово сохраняет только звуковую оболочку, ср. *башмак* и *башимак*, *нос* и *нос*. «Значение этих слов совершенно разное. Функционируют они в пределах разных систем. Одно — в системе общелитературной лексики, другое — в подсистеме общелитературной лексики, т. е. в терминологической лексике» [Даниленко 1971: 20]. Межнаучная омонимия терминов может получить орфографическое оформление. Примером орфографически оформленной межнаучной омонимии являются слова **формфактор** и **форм-фактор**, имеющие общий англоязычный источник *form factor*. Слитно написанное *формфактор* — это термин физических энциклопедий: «функция, описывающая влияние протяжённости частицы на её взаимодействие с другими частицами и полями», *форм-фактор* в дефисном написании — общетехнический термин, определяемый как «стандарт технического изделия, описывающий некоторую совокупность его технических параметров» (*форм-фактор корпуса компьютера, материнской платы* и прочее). Понятийные различия и функционирование в различных специальных сферах здесь выражены ещё и формально разным написанием. Последнее реализует разные воз-

возможности, предоставляемые общеязыковой орфографической системой: написание сложных существительных с первой несамостоятельной частью на согласную — слитное или дефисное — определяется словарно, например: *бэк-вокал, бэк-офис — бэкраунд, бэкслейш; биг-бенд — бигмак; гранпа — гранпасьянс; фронт-офис — фронтпроекция* [Бешенкова, Иванова 2011а: 179—181]. В таких случаях в орфографический словарь, вслед за терминологическими словарями, логично вводить оба термина в разном написании с соответствующими пояснениями (сейчас в РОС-2012 представлен только слитный *формфактор*). Но надо понимать, что это будет соответствовать идеальной «сфере фиксации терминологии» (по Даниленко), анализом которой ограничиваться не следует. А вот в сфере функционирования — реальном текстовом употреблении — ситуация иная: слитное написание *формфактор* частотно соответствует обоим терминам, притом что дефисное написание *форм-фактор* можно считать закрепленным за термином общетехническим (анализировались данные поисковых систем Яндекс и Гугл в феврале 2015, в НКРЯ один пример на технический *форм-фактор*). Также, например, химические и биологические термины **цис-изомеры, цис-изомерия, цис-конфигурация, цис-форма, цис-дихлорэтилен** и некоторые другие (лат. *cis* «односторонний», вид геометрической изомерии) в энциклопедиях и терминологических словарях пишутся с дефисом⁷. Часть из них занесена в такой форме в орфографический словарь. Функционирование терминов с первой частью *цис* в другой области науки — современных гендерных исследованиях — показывает орфографическое колебание при преобладании слитного написания у слов *цисгендерность, циссексизм, циссексуальный, циссексуальность, циснормативность* и только дефисного написания у слов *цис-мужчина, цис-женщина* (вообще, слова *мужчина* и *женщина* неохотно соединяются с префиксами, например, в РОС-2012 отмечено только *супермужчина*, в сети также встречаются *сверхмужчины, супер(-)женщины, сверх(-)женщины*). Здесь значение *цис* отличается от того, что есть в терминах биологии и химии: это не геометрическое «с одной стороны», а «совпадение», поскольку имеется в виду, что социальный пол (гендер) совпадает с биологическим полом. Соотношение терминов с первой частью *цис* в разных областях науки также можно интерпретировать как межнаучную омонимию. Составителям же орфографического словаря опять придется принимать непростое кодификационное решение, учитывая, что в околонаучном узусе формируется другое написание слов с данным элементом.

Межнаучная терминологическая омонимия, имеющая разное орфографическое оформление, нередко осложняется дополнительным орфографи-

---

⁷ Отметим и здесь явление приспособления орфографической формы термина к общеупотребительному (более широкому, неспециальному) узусу: химический термин *цис-диаминдихлорплатин* в качестве торгового названия лекарственного препарата предстает уже в слитной форме *цисплатин*.

ческим варьированием. Например, прилагательное *магнЕ/Итоэлектрический* в составе двухсловного термина физики реально встречается в двух узуальных вариантах: **магнЕтоэлектрический эффект** (напр., БСЭ, учебный план кафедры № 70 МИФИ «магнетоэлектрический эффект Кикоина — Носкова») и чаще — **магнИтоэлектрический эффект** («Физический энциклопедический словарь», «Физическая энциклопедия» в 5 томах). Варианты отражают чередование *e/u* в словах с корнем *магнет/магнит*⁸. В то же время в электротехнике существует определительная часть сложных терминов **магнИтоэлектрический** (*прибор, реле, омметр, измерительный механизм, система*) (БСЭ, «Политехнический словарь», 1989). Таким образом, два написания прилагательного (вариативное в физике и однозначное в электротехнике) соответствуют двум разным терминам в различных областях знания. Чистая орфографическая вариативность компонента физического термина может быть вполне безболезненно устранена, и, например, в РОС-2012 рекомендовано написание *магнетоэлектрический эффект*. Рекомендация, с одной стороны, свидетельствует о намерении кодификаторов повлиять на ситуацию орфографического варьирования термина, а с другой — объективно ведет к закреплению разного написания омонимов⁹. В обоих рассмотренных случаях факт узуального орфографического неразличения вроде бы говорит о вторичности орфографической формы для функционирования междисциплинарных омонимов, о том, что они в принципе не нуждаются в такого рода различении — как многие другие термины-омонимы, поскольку «термин (хотя он и должен быть понятным независимо от контекста) изолированно, как правило, не употребляется. А контекст всегда бронирует его от неоднозначного истолкования» [Даниленко 1971: 28]. Здесь кодификаторам следовало бы предложить единое написание термина *магнитоэлектрический* с корнем *магнит* (в случае если бы можно было получить согласие специалистов-физиков).

Однако кодификаторы иногда не решаются однозначно «высказаться» по поводу неприемлемости собственно орфографической вариативности и

⁸ Колебание возникло в результате разной передачи греч. *ἒ* в греч. *lithos Magnētes* «магнетический камень». Не опираясь на живую систему русского языка, корень *магнет/магнит* имеет закрепившееся написание в разных словах, в РОС-2012 около 100 слов с этим корнем.

⁹ В общелитературном языке орфографическое закрепление омонимов частотно представлено в употреблении строчной или прописной буквы в случаях типа *лев* (животное) и *Лев* (имя, созвездие и знак Зодиака), *меценат* (покровитель искусств) и *Меценат* (историческое лицо), *октябрь* (месяц) и *Октябрь* (Октябрьская революция 1917 г.). Также различаются в написании некоторые омонимичные первые части сложных слов, например, **техно...** — *первая часть сложных слов (сокр.: техника, технический)*, пишется слитно и **техно-...** — *первая часть сложных слов в знач. «относящийся к стилю техно»*, пишется через дефис; **этно...** — *первая часть сложных слов (сокр.: этнический)*, пишется слитно и **этно-...** — *первая часть сложных слов в знач. «относящийся к стилю этно»*, пишется через дефис (РОС).

могут закрепить в словаре варианты термина. Таково решение относительно другого термина с чередующимся корнем *магнит/магнет* — *магнЕ/Итохимия*, варьирующегося не только в узусе, но и в энциклопедиях и справочниках, при этом дефиниция термина также не является в источниках строго идентичной, и может создаться впечатление, что слова эти имеют всё-таки разный смысл: в БСЭ варианты **магнетохимия**, **магнитохимия** трактуются как «раздел физической химии», в пятитомной «Физической энциклопедии», «Химической энциклопедии» (1988), «Политехническом словаре» (1989) с этим же определением представлена только **магнетохимия**, а в «Научно-техническом энциклопедическом словаре» Яндекса (<http://enc-dic.com/sciencetech/Magnitohimija-1729.html>) дается только **магнитохимия** как название «области химии, занимающейся исследованием магнитных свойств составов». Установив, что эти два слова с чередующимся корнем обозначают одну область знания и взаимозаменяют друг друга, академический РОС дает оба слова, оставляя тем самым проблему выбора написания нерешенной, как не решили ее сами специалисты. Тем не менее подобная вариантность также вполне устранима, например, в пользу более лексически распространенного корня *магнит*¹⁰.

В случае терминов с корнем *магнет/магнит*, *эхосигнал/эхо-сигнал* причины орфографического варьирования лежат в сфере собственно языковых явлений, то есть объективно обусловлены. В числе факторов, частотно вызывающих разнонаписание в терминологиях, но являющихся вторичными, внешними по отношению к материи языка, одно из первых мест принадлежит влиянию иноязычного источника заимствования. Это влияние может быть постоянным, долгодействующим, а может быть преходящим, сиюминутным. Например, оба варианта старого заимствования **камфора** — **камфара** издавна принадлежат кодифицированной словарной норме, в них и их производных отмечается значительное преобладание варианта с *о* в корне в соответствии с этимологом ср.-лат. *camphora* от араб. *kafir* (ср. написания в основных европейских языках нем. *Campher*, фр. *camphre*, англ. *camphor*, также не дающих оснований для *камфара*; данный вариант, предполагаем, возник на русской почве). Согласно данным НКРЯ оба варианта всегда существовали параллельно (Ломоносов *камфара* 1745 и Зуев *камфора* 1786). В словаре Даля даны *камфорА* [*камфарА*] и *кАмфорное* или *камфАрное дерево*, в словаре Ушакова — *камфорА* и *камфарА*, *камфОрный* и *камфАрный*; в Малой советской энциклопедии 2-го изд. 1937 г. (без ударения) *камфора*, *камфорное дерево*, *камфорный лавр*; в Словаре иностранных слов 1949 г. (3-е изд.) только *кАмфора* и *камфОрное масло*; в Словаре Ожегова 1952 г. (2-е изд.) впервые вводится как основной вариант *камфарА* и прилагательное *камфАрный* как единственное производное.

¹⁰ История словарной кодификации делает в этом случае крутой поворот, так как ранее в Орфографическом словаре русского языка была только *магнетохимия*, затем в РОС 1999 г. появилась статья с вариантами.

Для некоторых наименований вариант с *o* в корне является устойчивой словарной нормой — *камфорное дерево*, *камфорный лавр* (*коричник*), *камфороносный*, *бромкамфора*, *камфоросма* (растение). Вариант *камфара* гораздо менее частотный (по данным поисковых систем Интернета), но он последовательно дается в энциклопедиях, встречается в бытовом письменном узусе. При поддержке словарной фиксации сохранение вариативности объективно объясняется только наличием ударения в прилагательном *камфарный*. Если учесть, что сферы основного использования термина — это сферы медицины, фармакологии и растениеводства, где русское написание обычно дублируется латинским названием, то можно прогнозировать постепенное снижение доли варианта *камфара* в письменном узусе. Другой пример — современное прилагательное **антиантивирусный** в составе термина *антиантивирусный вирус*. Сейчас прилагательное имеет в узуальном письме преобладающее написание с дефисом между двумя приставками, испытывая давление англ. источника *Anti-Antivirus*. Правила, специально регулирующего написание двух одинаковых приставок в одном слове, нет. Но в языке (и словаре) есть слова с повторяющимися приставками: *праправнук*, *прапрабабушка*, *предпредпоследний*, *постпостмодернизм*, *антиантиплагиат*, что является для данного слова очевидным прецедентным написанием. Это тот случай, где вмешательство кодификатора естественно, как и рекомендация слитного написания с опорой на аналогии.

Влияние иноязычного источника может поддерживаться словарным закреплением написания. Например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой соседствуют дефисное **алло-эмический** (англ. *allo-emic*) и слитное **аллофонический** (англ. *allophonic*). Согласно данным «Словаря русских словарей» С. В. Лесникова (М., 2002), единственный случай словарной фиксации дефисного написания *алло-эмический* представлен именно в словаре Ахмановой, притом что все современные термины с первой частью *алло* пишутся слитно по двум правилам: как слова с первыми иноязычными самостоятельно не употребляемыми частями на гласную¹¹ и (в части случаев) как производные от слитных существительных (*аллоэмия*). Однако наличие дефисного варианта в словаре Ахмановой, по нашим наблюдениям, оказало и до сих пор оказывает влияние на современный лингвистический узус: в текстах по теории языкознания и грамматике английского языка сложилась традиция употребления именно дефисного *алло-*

¹¹ Это правило есть в своде 1956 г. См. также формулировку правила и комментарий в [Бешенкова, Иванова 2010: 64—65]: «Сложные существительные с первой частью, иноязычной по происхождению, оканчивающейся на гласную и самостоятельно не употребляющейся, пишутся слитно. Примеры таких первых частей: *авиа*, *авто*, *acro*, *агро*, *антропо*, *астро*, *аэро*, *бальнео*, *бати*, *био*, *варио*, *VELO*, *гекто*, *гелио*, *гео*, *гетеро*, *гигро*, *гомо*, *дека*, *деци*, *зоо*, *изо*, *инфра*, *кило*, *кино*, *крипто*, *макро*, *мега*, *мета*, *метео*, *микро*, *милли*, *мото*, *мульти*, *нано*, *нео*, *орто*, *палео*, *пара*, *пери*, *пиро*, *поли*, *прото*, *сантим*, *теле*, *тетра*, *ультра*, *экзо*, *эко*, *эндо*».

эмический. Дефисный вариант противоречит системной закономерности русского письма — слитному написанию лексически несамостоятельных первых частей слова, действующей как в письме специальных подязыков, так и в общем письме. Данный вариант не соответствует и кодифицированной норме для слов данного типа. Поэтому он не может быть «принят» общей орфографией: не рекомендуется к употреблению и включению в словарь.

Словарь, и особенно авторитетный, как видим, способен создать традицию написания слова, которая, в свою очередь, вступает в видимое противоречие с более поздними явлениями развивающегося письма. Яркое подтверждение этого тезиса — письменная судьба терминов **геологоразведочный** и **патологоанатомический**. Из всего немалого количества терминов-прилагательных с первой частью на *-лого* только они до сих пор частотно пишутся слитно в текстах самого разного назначения — в названиях вузов, учебниках, планах кафедр, отчетах, юридических документах. Напомним, что в Орфографический словарь 1956 г. было включено всего три слова на *-лого*: *биолого-почвенный* — в дефисном написании, *геологоразведочный*, *патологоанатомический* — в слитном. Все же остальные многочисленные прилагательные этого типа¹² пришли в словари позднее и в написании с дефисом¹³. Причем так же с дефисом пишутся и сложные

¹² Например, *аналого-цифровой*, *антрополого-психологистический*, *астролого-нумерологический*, *бактериолого-агрономический*, *бактериолого-химический*, *биолого-медицинский*, *биолого-почвенный*, *вирусолого-иммунологический*, *вирусолого-серологический*, *генеалого-геральдический*, *геолого-морфологический*, *геолого-поисковый*, *геолого-почвенный*, *геолого-тектонический*, *геолого-экономический*, *гидрогеолого-информационный*, *гидролого-климатический*, *гидролого-экологический*, *гистолого-бактериоскопический*, *графолого-почерковедческий*, *графолого-психологический*, *диалого-вычислительный*, *литолого-палеографический*, *метеоролого-климатический*, *метеоролого-магнитный*, *морфолого-географический*, *морфолого-синтаксический*, *психолого-криминалистический*, *психолого-познавательный*, *сейсмолого-вулканологический*, *сейсмолого-геодинамический*, *социолого-психологический*, *социолого-экономический*, *технолого-педагогический*, *технолого-экономический*, *травматолого-ортопедический*, *фармаколого-биологический*, *фармаколого-клинический*, *физиолого-биохимический*, *физиолого-гигиенический*, *физиолого-психологический*, *эколого-географический*, *эколого-культурный*, *эколого-политический*, *эколого-просветительский*, *эколого-экономический*.

¹³ Примеры дефисного написания прилагательного *геолого-разведочный*, конечно, тоже есть (хотя бы в БСЭ т. 14 стб. 707, т. 21 стб. 329). Если посмотреть на материалы интернет-поисковиков, увидим, что специалисты все-таки иногда пишут *патолого-анатомический* с дефисом, преимущественно в актах вскрытия и протоколах исследований. Но надо признать, что этих примеров существенно меньше. Другие, хотя и малоизвестные термины с первой частью *патолого-* обычно имеют менее употребительное соотносительное существительное: *патологогистологический* — *патологогистология*, *патолого-морфологический* — *патологоморфология*, *патолого-физиологический* — *патологофизиология*, *патолого-кли-*

прилагательные других типов, которые имеют при этом соотнесенность¹⁴ с существительным, что должно было бы по общему правилу определять их слитное написание: *лексико-статистический* при *лексикостатистика*, *лиро-эпический* (*лироэпика*), *силлабо-тонический* (*силлаботоника*), *оптико-механический* (*оптикомеханика*), *тунгусо-маньчжурский* (*тунгусо-маньчжурцы*), *тюрко-монгольский* (*тюркомонголы*), *физико-географический* (при редком *физикогеография* как название учебной дисциплины и название кафедр). Рассматриваемые два слова также имеют соотнесенные существительные (*геологоразведка*, *патологоанатом(ия)*) в отличие от всех других аналогично устроенных слов. Но все же полагаем, что не их существование¹⁵ определяет устойчивую слитную узусальную норму написания прилагательных, а именно укоренившийся профессиональный узус, заложенный еще в довоенное время Советской энциклопедией и позже закрепленный Орфографическим словарем 1956 г. Приходится констатировать, что традиция употребления сыграла против релевантных для данных слов системных языковых оснований (наличие обширной словообразовательно единой группы терминов, отсутствие непосредственной производности от существительных). Предпринятая в начале 90-х годов прошлого века в академическом словаре попытка унифицировать написание этих двух прилагательных со структурно однотипными словами до сих пор не дала желаемого результата. Однако есть и пример эффективной деятельности кодификаторов. Слова *разыскник*, *разыскной* и их производные *служебно-разыскной*, *минно-разыскной* и др. в специальных текстах до недавнего времени писали с буквой *О* в приставке вопреки общему правилу. Написание *розыскной* в словаре 1956 г. (в словаре Ушакова основная статья *разыскной*, даются варианты) стало фактом искусственно введенной орфографической вариативности, противоречащей общему принципу передачи на письме гласной в данной приставке. Перекодификация в соответствии с правилом была осуществлена в орфографическом словаре только в 1991 г. И хотя профессиональное сообщество правоохранителей его долго не принимало (ссылаясь на свои традиции и нормативные акты государства (законы), написанные с использованием старой орфографической формы), настойчивая разъяснительная работа принесла результат, и в Федеральном законе 2011 г. «О полиции» принято написание *разыскной*. Правильность

нический. Все они пишутся в узусе и дефисно и слитно, у термина *патологогистологический* слитное написание является преобладающим.

¹⁴ О словообразовательной производности здесь говорить трудно, большинство прилагательных хронологически более ранние, чем существительные, и более частотные в употреблении.

¹⁵ В «Горной энциклопедии» (М., «Советская энциклопедия», 1984—1990) нет термина *геологоразведка*, а в «Энциклопедическом словаре медицинских терминов» (в 3-х тт. М., «Советская энциклопедия», 1982—1984) нет термина *патологоанатомия*, с которым прилагательное связано словообразовательно, а слово *патологоанатом* включено только в биографические ссылки.

орфографического оформления термина, вообще — лингвистическая правильность составляет важную часть лингвистического критерия терминологии [Даниленко 1972: 6—7, 17]. С этой мерой естественно подходить не только к новым терминам, входящим в употребление, но и к терминам, применяемым давно.

Влияние словаря на терминологический орфографический узус отмечается исследователями: «Внедренность лингвистического термина-варианта находится в прямой зависимости от наличия/отсутствия фиксации его в словарях, прежде всего — терминологических» [Иванова Г. А. 2013: 340]. Однако реальное письмо дает частотные отклонения от «правильных» словарных фиксаций, даже давних. В. П. Даниленко пишет: «...терминологию нередко наблюдают только в данной замкнутой системе, т. е. в идеальных условиях... Эту сферу можно назвать сферой фиксации терминологии той или иной области науки или практики. При этом не учитывается, что есть и другая, не менее существенная, а может быть, и основная сфера, сфера функционирования (а не фиксации) терминологии — научная речь, специальная научная литература (в широком смысле этого слова). Здесь терминология изымается из рамок замкнутой системы, свободно вплетается в общелитературное окружение, т. е. функционирует (по воле авторов). И подобно тому, как нельзя изучать общелитературный язык (...) только по словарям, так нельзя изучать терминологию, представленную одним лексикографическим жанром» [Даниленко 1971: 43]. Функционирование терминологии «по воле авторов» нередко проявляется как орфографическое варьирование. Так, современные специалисты нередко пишут **морфо-семантический, морфо-функциональный, фоно-морфологический, лингво-психологический, лингво-семиотический, социо-игровой, социо-культурный, социо-лингвистический, социо-психолингвистический** и прочее при давно закрепленных в словарях слитных написаниях слов с первыми иноязычными несамостоятельными частями, оканчивающимися на гласную. Спорадическое предпочтение дефисного написания можно расценивать, во-первых, как намерение отразить на письме равноправное по смыслу отношение корней в сложном прилагательном, что поддерживается давлением на орфографическую кодифицированную норму современной «дефисной моды» (при этом авторы часто не настаивают на своем написании). Во-вторых, расчленение слова дефисом может трактоваться как «тенденция к усложнению морфологической структуры терминов, обусловленная стремлением точнее номинировать соответствующий языковой феномен (...) и тем самым увеличить степень семантической мотивированности специального слова» [Иванова Г. А. 2009: 18]. По мнению Р. В. Гарифуллиной, «именно дефисное написание сложного термина способствует передаче точной, краткой и однозначной информации, то есть способствует выполнению когнитивной функции термина» [Гарифуллина 2009: 64]. Наконец, в-третьих, как писала О. С. Ахманова, «используя различные орфографические варианты слова, пишущий может

варьировать “внутреннюю форму слова”» [Ахманова 1957: 210]. Таким образом, написание **морфо-функциональный**, например, может быть немотивированным дефисным орфографическим вариантом, может передавать актуализацию семантики частей целого или, наконец, выражать «авторскую интенцию», на которую исследователь — автор текста, видимо, имеет право. Заметим только в связи с последним, что использование дефиса для выделения части слова известно как прием в художественной литературе, в публицистике, что отмечено в академических правилах [Правила 2006]. В любом случае это должно быть оправдано контекстом, и читающий должен почувствовать намерение автора; если этого нет — отступление от кодифицированной нормы неоправданно. Кроме того, широко встречающаяся немотивированная вариативность может в конце концов привести к своей противоположности: пишущий лишается возможности вложить в написание необходимый ему смысл (на эту сторону дела нам указала Е. В. Бешенкова). Вообще же явное преобладание в лингвистическом узусе нормативных слитных написаний заставляет считать дефисные написания ошибочными. С нашей точки зрения, ни авторские вкусовые пристрастия, ни мода на дефис не являются теми существенными основаниями, которые могут оправдать отклонения в терминологии от кодифицированной нормы письма. Колебания же слитного/дефисного написания сложных прилагательных с первой бессуффиксальной частью и семантически равноправным отношением частей являются колебаниями в словарной зоне письма, которая традиционно регулируется нормативным словарем [Бешенкова, Иванова 2011а: 191—193].

К числу субъективных (не системных языковых) факторов, порождающих орфографическое варьирование терминов, можно причислить и намерение сохранить в производном термине форму производящего. Яркий пример — прилагательное **темо-рематический**, которое в 80-е годы прошлого века писалось с соединительной гласной *о*¹⁶ — как многие другие термины и нетермины-прилагательные с бессуффиксальной основой существительного в первом компоненте, производные от парных сочетаний: *звучо-буквенный* (звук-буква), *темо-рематический* (тема и рема, тема-рема), *видо-временной* (вид и время), *родо-видовой*, *родо-племенной*, *спуско-подъемный* (спуск-подъем), *приходо-расходный* (приход-расход), *физико-математический* (физика и математика), *весо-ростовой* (вес-рост), *кирилло-мефодиевский* (Кирилл и Мефодий). Современные же тексты массово дают написание **тема-рематический** (в соотношении 1:4), что по распространенности можно считать узальной нормой, противопоставленной кодифицированной норме РОС. Как рассматривать это *а* в середине цельно-оформленного слова? И почему стал укрепляться этот новый вариант написания? Аналогии такому образованию единичны: прилагательное *сход-*

---

¹⁶ Так слово пишется в работах Г. А. Золотовой; также: [Касевич 1988; Долинин 1985/2010; Бэбби 1985; Реферовская 2007].

развальный (от *сход-развал* в автоделе) с нулевой соединительной гласной, сетевой окказионализм с первой частью от существительного муж. рода на *-а* — *papa-мамин праздник*. Поскольку термин создан с нарушением общеязыковой словообразовательной модели, то можно предположить лишь намерение передать общность морфемного облика производного с производящим, или, иначе сказать, здесь «принцип сохранения графического облика оказывается важнее принципа системности» [Кронгауз 2008: 186]. Асистемность этого случая позволяет настаивать на правильности формы с соединительной гласной *о* — как *физико-математический*¹⁷, а не *papa-мамин*. Считаем актуальным мнение В. П. Даниленко, которая вывела за пределы нормы в терминологии «все то, что противоречит регулярным правилам создания слов или форм слов, даже если конкретные термины, образованные с нарушением норм, получают определенное пространство» [Даниленко 1977: 162].

Орфографическое варьирование терминов в определенной мере зависит от факторов общественной жизни, от всё расширяющейся сферы интернет-коммуникации, от всё большей вовлеченности в бытовое, повседневное письмо некогда узких профессиональных сфер терминологии. Так, в прежде устойчивой группе терминов-исключений, обозначающих сложные единицы измерения, появляются такие, которые в силу экстралингвистических обстоятельств выходят за рамки своей специальной области употребления и становятся достоянием широкого узуса. Например, динамика жизни привела к расширению социальной базы слов **машино-место**, **нормо-час**, **самолето-вылет**, и в неспециальных областях (объявления, рекламные тексты, заметки, газетные статьи, ненормированная письменная речь в блогах) они активно начинают писаться слитно *машиноместо, *нормочас, *самолетовылет, то есть подравниваются под общее правило¹⁸ слитного написания существительных с соединительной гласной. «Выходя за рамки узкоспециальной сферы употребления, слова в большей мере подпадают под действие общего правила. Именно поэтому варианты в узусе появляются для тех слов, которые в силу определенных условий стали широко употребляться и за пределами профессиональной речи» [Бешенкова, Иванова 2011б: 9]. Более того, возможно и иное, когда соотношение частей в слове, перенесенном в бытовую сферу, начинает пониматься носителями языка иначе, и поэтому пишется *койка-день*, *норма-час*, *машина-место*, что соответствует другому правилу¹⁹ (вот ряд примеров: *машина-место*

¹⁷ А также: *ритмико-интонационный*, *семантико-гносеологический*, *технико-экономический*, *экономико-гуманитарный*, *эпико-драматический*.

¹⁸ Говоря словами М. В. Панова: «Расширение демократической основы письма всегда связано с устранением некоторых избыточных орфографических норм» [Панов 1963: 82].

¹⁹ Напомним это правило: «Сложные существительные и сочетания с однословным приложением, если в их состав входят самостоятельно употребляющиеся

идет отдельным договором, то есть есть договор на покупку квартиры и есть договор на машина-место; сдам машина-место под домом; продаются два машина-место (так!), жилой комплекс «Воробьёвы горы»).

Принадлежность единицы специальной или неспециальной сфере употребления, т. е. разная степень терминологизированности, обуславливает и её различное орфографическое оформление, например, предстающее на письме как сопоставленность сложного слова и словосочетания: **плотнаселенный** — это термин демографии, пишется слитно, **плотно заселенный** термином не является и при одинаковом значении с предыдущим словом пишется иначе. Причиной стремления к более тесному объединению частей словосочетания, преодоления раздельного написания, является именно терминологический статус лексической единицы, когда проявляется потребность приблизить «конструкцию к типу сложного слова, где взаимоотношения между элементами отражены менее отчетливо», поскольку словосочетание, например, *абсолютно-сухой материал* «нельзя понимать буквально» [Лотте 1969: 45], оно больше, чем сумма значений компонентов. Однако новые слитные или дефисные написания многокомпонентных терминов возникают в ничтожно меньшем количестве случаев, т. е. образуются выборочно, случайно, «словарно». И так же выборочно они попадают в орфографический словарь, придавая пестроту лексикографическому ряду. В работе [Бешенкова, Иванова 2014: 342—343], посвященной сложным прилагательным, показано, что для слитного/дефисного/раздельного написания первой наречной части на *-о* или *-е* со второй частью правила-алгоритма создать невозможно и что конкретное написание каждой первой части со вторыми частями осуществляется по индивидуальному словарному правилу, а в исключения к этим частным правилам попадают прежде всего термины. Например, первые части **вечно**, **встречно**, **резко**, **собственно**, **умеренно** пишутся в норме (узуальной и кодифицированной) раздельно как наречия, ср. *вечно молодой*, *вечно сомневающийся*; *встречно расположенный*, *встречно вращающийся*; *резко контрастный*, *резко континентальный*, *резко обособленный*, *резко меняющийся*; *собственно научный*, *собственно политический*, *собственно русский*; *умеренно влажный*, *умеренно левый*, *умеренно малый*, *умеренно выраженный*, а слитные или дефисные исключения — это термины: *вечнозеленый*, *вечноцветущий*, *вечномёрзлый*, *вечноснежный*; *встречносмещенный*; *резкопересеченный* (местность), *резкощелочной*; *собственноличный* и *собственно-возвратный* (глагол); *умеренно-диссимилятивный*²⁰. По отношению к общему языку дан-

существительные и обе части или только вторая часть склоняется, пишутся через дефис, напр.: *агент-банк*, *альфа-частица*, *атташе-кейс*, *аудит-контроль*, *баба-яга...*» [Бешенкова, Иванова 2010: 67], также см. Правила 1956 г. § 79.

²⁰ Хотя в этот ряд исключений могли бы попасть (но не попали) и другие термины из списка: *встречно вращающийся*, *умеренно влажный*, *резко континентальный*...

ные термины обнаруживают особенности орфографического оформления только тогда, когда возникла потребность добавить такие слова в словарь, поставить их рядом с другими подобными, т. е. когда терминология вышла за пределы собственно специального употребления.

Итак, проанализированный материал показывает несколько стратегий кодификаторов в отношении орфографической вариативности (колебаний) терминов. Кодификаторы в одних случаях следуют стратегии закреплени я специфической орфографической формы термина, признавая ее или опирающейся на собственно языковые основания (*магнет/магнит*), и/или традиционной и принятой в данной науке (*транс-изомерия*). В других случаях кодификаторы с разной степенью успешности придерживаются стратегии изменения написания термина в соответствии с требованиями общей нормы и общезыковых закономерностей, и делают это как по отношению к терминам, имеющим традицию употребления (*геолого-разведочный, разыскной*), так и к терминам, недавно вошедшим в словарь (*эховолна*). Возможна и стратегия следования развивающемуся узусу (*эгоцентризм / эго-психология*), приводящая к включению в словарь разнонаписаний однотипных слов и поэтому не способствующая стабилизации нормы, закрепляющая «вечный» выбор. Наконец, в ситуации появления колебаний написания уже кодифицированных слов предпочтительно не менять установленные рекомендации (*машино-место, социокультурный*), руководствоваться стратегией постоянства.

Многообразные причины объективного и субъективного плана обуславливают неизбежность орфографического варьирования в терминологии. Причем анализ показывает, что все типы отклонений представляют собой словарный материал, т. е. функционируют в соответствии с индивидуальными орфографическими нормами. И такой же словарный характер присущ написаниям терминов в пределах целых грамматических сегментов (*вечно молодой — вечномерзлый*). Очевидно, что основная масса терминов пишется в соответствии с общими законами языка и общими правилами, и то, что нарушает системные отношения в языке и что подпадает под правила, можно и нужно корректировать, внимательно относясь при этом к традиции и узусу специальных сфер. Вывод Л. П. Калакуцкой и Б. З. Букчиной: «особые правила для терминологической лексики невозможны и не нужны», норма должна быть единой для всех сфер литературного языка [Букчина, Калакуцкая 1981: 156], — представляется нам адекватным существующему положению дел.

В связи с этим одним из рычагов воздействия на терминопотребление является сознательная тактика кодификаторов — включать в словарь только те термины, которые стали шире употребляться, стали замечаться в других типах текстов, а не орфографические «экзотизмы», живущие только внутри терминосистемы. И поэтому 1) при лингвистически выверенном подходе к колеблющимся орфографическим явлениям в терминологии, основанном на понимании причин и степени устойчивости имеющих вари-

антов, и 2) при активной позиции редакторов специальных текстов можно заметно понизить уровень немотивированной вариативности терминологического узуса. А с точки зрения перспектив языковой системы — не закреплять в качестве кодифицированной нормы те узусальные предпочтения, которые формируются в письме «здесь и сейчас» в период активных изменений и усиленной работы адаптационного механизма языка.

Таким образом, теоретические подходы к оценке орфографической формы и дальнейшей кодификации терминов по существу те же, что и к кодификации нетерминов. Практически же это должно быть учтено при формулировании правил правописания и в словниках общих орфографических словарей.

Л и т е р а т у р а

Ахманова 1957 — О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

Бешенкова, Иванова 2010 — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Сложные существительные и сочетания с приложениями как объект орфографического описания // Рус. яз. в науч. осв. 2010. № 2 (20). С. 57—76.

Бешенкова, Иванова 2011а — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Русское письмо в правилах с комментариями. М., 2011.

Бешенкова, Иванова 2011б — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Современная орфографическая вариативность: тенденция к унификации / дифференциации написаний // Язык и социальная действительность. Научный журнал. № 1. Красноярск, 2011. С. 5—19.

Бешенкова, Иванова 2011в — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Неоднозначная интерпретация слова и современная орфографическая вариативность // Язык и социальная действительность. Научный журнал. № 2. Красноярск, 2011. С. 5—18.

Бешенкова, Иванова 2014 — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Лексикографическое описание орфографического оформления сочетаний единиц на *-o*, *-e* с последующим прилагательным или частью сложного прилагательного (*активно действующее вещество* и *сильнодействующее вещество*) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. I. М., 2014. С. 329—357.

Букчина 1982 — Б. З. Букчина. Об орфографии в терминологии // Культура речи в технической документации. М., 1982. С. 173—192.

Букчина, Калакуцкая 1981 — Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. Орфография и грамматика (на материале терминологической лексики) // Терминология и культура речи. М., 1981. С. 135—157.

Бэбби 1985 — Л. Бэбби. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985. С. 156—170.

Валгина, Светлышева 1993 — Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. Орфография и пунктуация. Справочник. М., 1993.

Гарифуллина 2009 — Р. В. Гарифуллина. Дефис в системе терминообразования (на примере физико-математических терминов) // Вестник РУДН, серия «Русские и иностранные языки и методика их преподавания». 2009. № 3. С. 64—70.

- Даниленко 1971 — В. П. Даниленко. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М., 1971.
- Даниленко 1972 — В. П. Даниленко. Лингвистические требования к стандартизуемой терминологии // Терминология и норма. М., 1972. С. 5—32.
- Даниленко 1977 — В. П. Даниленко. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977.
- Даниленко, Скворцов 1982 — В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов. Нормативные основы унификации терминологии // Культура речи в технической документации. М., 1982. С. 5—35.
- Долинин 1985/2010 — К. А. Долинин. Интерпретация текста. М., 1985 (перезд.: К. А. Долинин. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. Изд. 4-е. М., 2010).
- Иванова Г. А. 2009 — Г. А. Иванова. Орфографическая вариантность лингвистических терминов // Вестник МГОУ. Русская филология. № 1. 2009. С. 16—21.
- Иванова Г. А. 2013 — Г. А. Иванова. Терминологическая вариантность в языке лингвистики: нормативный аспект // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва. 8—10 июня 2012 г.) / Отв. ред. докт. филол. наук С. Д. Шелов. М., 2013. С. 340—348.
- Касевич 1988 — В. Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кронгауз 2008 — М. А. Кронгауз. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
- Лопатин 2011 — В. В. Лопатин. Упорядочение орфографических правил: итоги и перспективы // Вопросы культуры речи. Вып. 10. / Отв. ред. А. Д. Шмелев. М., 2011. С. 155—165.
- Лотте 1969 — Д. С. Лотте. Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов / Отв. ред. С. Г. Бархударов. М., 1969.
- Панов 1963 — М. В. Панов. Об усовершенствовании русской орфографии // ВЯ. 1963. № 2. С. 81—93.
- Правила 2006 — Правила русской орфографии и пунктуации / под ред. В. В. Лопатина. — М., 2006.
- Реферовская 2007 — Е. А. Реферовская. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Изд. 2-е. М., 2007.
- Реформатский 1996 — А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1996.
- Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994 — Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.
- РОС-2005 — Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.
- РОС-2012 — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2012.

References

- Akhmanova 1957 — O. S. Akhmanova. Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii. Moskva, 1957.
- Bebbi 1985 — L. Bebbi. Poryadok slov, padezh i otricanie v bytiynykh predlozheniyakh russkogo yazyka // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XV. Moskva, 1985. S. 156—170.

Beshenkova, Ivanova 2010 — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Slozhnye sushchestvitel'nye i sochetaniya s prilozheniyami kak ob'ekt orfograficheskogo opisaniya // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. № 2 (20). S. 57—76.

Beshenkova, Ivanova 2011a — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Russkoe pis'mo v pravilakh s kommentariyami. Moskva, 2011.

Beshenkova, Ivanova 2011b — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Sovremennaya orfograficheskaya variativnost': tendenciya k unifikacii / differenciacii napisaniy // *Yazyk i social'naya deystvitel'nost'*. Nauchnyy zhurnal. № 1. Krasnoyarsk, 2011. S. 5—19.

Beshenkova, Ivanova 2011v — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Neodnoznachnaya interpretaciya slova i sovremennaya orfograficheskaya variativnost' // *Yazyk i social'naya deystvitel'nost'*. Nauchnyy zhurnal. № 2. Krasnoyarsk, 2011. S. 5—18.

Beshenkova, Ivanova 2014 — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Leksikograficheskoe opisanie orfograficheskogo oformleniya sochetaniy edinic na *-o*, *-e* s posleduyushchim prilagatel'nym ili chast'yu slozhnogo prilagatel'nogo (aktivno deystvuyushchee veshchestvo i sil'nodeystvuyushchee veshchestvo) // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Vyp. I. Moskva, 2014. S. 329—357.

Bukchina 1982 — B. Z. Bukchina. Ob orfografii v terminologii // *Kul'tura rechi v tekhnicheskoy dokumentacii*. Moskva, 1982. S. 173—192.

Bukchina, Kalakuckaya 1981 — B. Z. Bukchina, L. P. Kalakuckaya. Orfografiya i grammatika (na materiale terminologicheskoy leksiki) // *Terminologiya i kul'tura rechi*. Moskva, 1981. S. 135—157.

Danilenko 1971 — V. P. Danilenko. Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie osobennosti slov-terminov // *Issledovaniya po russkoy terminologii*. Moskva, 1971.

Danilenko 1972 — V. P. Danilenko. Lingvisticheskie trebovaniya k standartizuemoy terminologii // *Terminologiya i norma*. Moskva, 1972. S. 5—32.

Danilenko 1977 — V. P. Danilenko. Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya. Moskva, 1977.

Danilenko, Skvorcov 1982 — V. P. Danilenko, L. I. Skvorcov. Normativnye osnovy unifikacii terminologii // *Kul'tura rechi v tekhnicheskoy dokumentacii*. Moskva, 1982. S. 5—35.

Dolinin 1985/2010 — K. A. Dolinin. Interpretaciya teksta. Moskva, 1985 (perezid.: K. A. Dolinin. Interpretaciya teksta: Francuzskiy yazyk: Uchebnoe posobie. Izd. 4-e. Moskva, 2010).

Garifullina 2009 — R. V. Garifullina. Defis v sisteme terminoobrazovaniya (na primere fiziko-matematicheskikh terminov) // *Vestnik RUDN, seriya «Russkie i inostranye yazyki i metodika ikh prepodavaniya»*. 2009, № 3. S. 64—70.

Ivanova G. A. 2009 — G. A. Ivanova. Orfograficheskaya variantnost' lingvisticheskikh terminov // *Vestnik MGOU. Russkaya filologiya*. № 1. 2009. S. 16—21.

Ivanova G. A. 2013 — G. A. Ivanova. Terminologicheskaya variantnost' v yazyke lingvistiki: normativnyy aspekt // *Terminologiya i znanie. Materialy III Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva. 8—10 iyunya 2012 g.)* / *Otv. red. dokt. filol. nauk S. D. Shelov*. Moskva, 2013. S. 340—348.

Kasevich 1988 — V. B. Kasevich. Semantika. Sintaksis. Morfologiya. Moskva, 1988.

Krongauz 2008 — M. A. Krongauz. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. Moskva, 2008.

Lopatin 2011 — V. V. Lopatin. Uporyadochenie orfograficheskikh pravil: itogi i perspektivy // *Voprosy kul'tury rechi*. Vyp. 10. / *Otv. red. A. D. Shmelev*. Moskva, 2011. S. 155—165.

- Lotte 1969 — D. S. Lotte. *Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов* / Отв. ред. S. G. Barkhudarov. Moskva, 1969.
- Panov 1963 — M. V. Panov. *Ob usovershenstvovanii russkoy orfografii // Voprosy yazykoznanija*. 1963. № 2. S. 81—93.
- Pravila 2006 — *Pravila russkoy orfografii i punktuacii / pod red. V. V. Lopatina*. — Moskva, 2006.
- Referovskaya 2007 — E. A. Referovskaya. *Kommunikativnaya struktura teksta v leksiko-grammaticheskom aspekte*. Izd. 2-e. Moskva, 2007.
- Reformatskiy 1996 — A. A. Reformatskiy. *Vvedenie v yazykovedenie*. Moskva, 1996.
- ROS-2005 — *Russkiy orfograficheskiy slovar': okolo 180 000 slov / O. E. Ivanova, V. V. Lopatin (otv. red.), I. V. Nechaeva, L. K. Chel'cova*. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva, 2005.
- ROS-2012 — *Russkiy orfograficheskiy slovar': okolo 200 000 slov / Pod red. V. V. Lopatina, O. E. Ivanovoy*. Izd. 4-e, ispr. i dop. Moskva, 2012.
- Rozental', Dzhandzhakova, Kabanova 1994 — D. E. Rozental', E. V. Dzhandzhakova, N. P. Kabanova. *Spravochnik po pravopisaniju, proiznosheniju, literaturnomu redaktirovaniyu*. Moskva, 1994.
- Valgina, Svetlysheva 1993 — N. S. Valgina, V. N. Svetlysheva. *Orfografiya i punktuaciya*. *Spravochnik*. Moskva, 1993.

Резюме

Орфография терминологии анализируется в статье как с позиции терминологического узуса и нормы, так и в соотношении с кодифицированными нормами правописания общеупотребительных слов языка. Показывается, что многообразные причины объективного и субъективного плана обуславливают неизбежность орфографического варьирования в терминологии и что все типы отклонений от кодифицированных норм являются не системными, а индивидуальными, «словарными». Наибольший интерес представляют случаи, когда термины выходят за пределы узкоспециального употребления и требуют поэтому кодификации в общем орфографическом словаре. В связи с этим определяются стратегии кодификации, делаются предположения о возможной сознательной тактике кодификаторов по регулированию терминологического узуса.

Ключевые слова: орфография, терминология, узус, норма, кодификация, орфографический словарь

Статья получена 18.03.2015

OLGA E. IVANOVA

STRATEGIES FOR STANDARDIZING SPELLING OF SCHOLARLY TERMINOLOGY

The paper examines the spelling of scholarly terms from two points of view: as part of the terminology system and as part of common language. It is shown that multiple objective and subjective causes determine the inevitability of spelling variation in terminology and that all types of deviation from standards concern individual vocables, not rules.

Particular attention is given to cases in which specialized terms enter common usage, sometimes leading to changes in their spelling and raising the need for standardization. We analyze previous standards of terminology in general spelling dictionaries, analyze them as part of common language norms and propose possible strategies for standardizing terminology.

Keywords: spelling, terminology, usage, spelling rules, standardization, spelling dictionary

Received on 18.03.2015